

тельственими значком активиста Осоавиахима. Дважды был секретарем ячейки. Шесть раз был над ряд избирали в бюро Заводской ячейки, один раз кандидатом Райкома. Один раз депутатом Госинполкома города Ижевска. Раз десять был делегатом съездов и конференций, как партийник, так и профсоюзник.

В о й н а

В 1941 году напал на нас Гитлер. Я в первый же день : через час объявления нападения явился к секретарю Краснопресненского райкома т.Ухолину и предложил свои услуги.

- Я в вашем распоряжении! - заявил я секретарю. В Райкоме было всего четыре человека, так как был выходной день. Ухолин сказал мне:

- Не волнуйся! Иди домой и приведи свой дом в полную боевую готовность к обороне.

Я ушел домой и организовал оборону дома. Впоследствии по моему предложению были награждены медалями за оборону: Луковникова Ксения Васильевна, Веретенникова Вера Ивановна и другие. Себя же я в список не вставил, думал неудобно.

Начала разгораться война все сильнее. Я решил идти добровольцем на передовую, так как мой возраст уже не подлежал мобилизации, поэтому я сам хотел идти на фронт.

Я пошел в приемную Ворошилова, но мне вежливо отказали принять меня полковник. Он мне резонно объяснил:

- Ты достаточно повоевал в гражданскую и кроме того командиром мы взять не можем, ты уже девалифицировался. Армия ушла далеко.

Мне нечем было крыть. Я ушел из военкомата несолоно хлебавши.

На Красной Пресне начала организовываться Восьмая Краснопресненская дивизия ополченцев. Я стал обивать пороги Райкома, чтобы меня хотя бы рядовым направили в Краснопресненскую дивизию. Наконец меня направили в 6-ю Краснопресненскую дивизию, которая формировалась в школе на Кругу 25 трамвая, на обед мы ходили в Трехгорную мануфактуру. Наступил день похода, я был принят в батарею. По приходе

где в лагерь ^{где} ~~школа~~ ^{школа} мы начали готовиться к бою, меня назначили командиром

ром отделения. Через шесть дней старшиной батареи, а через двенадцать дней ^{политруком роты} комиссаром полка. назначили меня политруком роты. Лагерь наш был разбит в еловом бору. Тотчас же приступали к строительству балаганов. Балаганы строились на подобие конусной крыши. Это было построено в несколько часов - балаганный городок. Крыши балаганов лапами ельника. Каждый балаган мог вмещать до десяти человек. Для меня лесная жизнь была не новинка, но постройка балаганов была новостью. Интересно было наблюдать за маленькими сныками. Полковник Потанов осметрел каждый балаган, сам лично и остался доволен говоря:

- В таких балаганах можно жить и летом и зимой как в горнице.

Но много мнения были маленькие сныки.

- Как? на голой земле спать? Да разве это возможно. Ведь сразу желтуху поймешь.

- Да, можно! - отвечали мы.

- Это еще курорт. Это только цветочки, а ягодки еще впереди. Еще впереди. Еще придется по пояс и по горло в воде ночевать. В империалистическую войну месяцами сидели и по пояс в грязи. Да ведь это было еще под проливными дождями и свежей слякотью. А в сухих балаганах и летом - это просто курорт. Это просто отдых. Это увлекательная прогулка, а не позиция. Сейчас же принимайтесь рыть окопы и щели! - так высказался и распорядился полковник Потанов. Это был среднего роста сухощавый блондин с продолговатым лицом и серьезным взглядом серых глаз.

Полк вышел на поле и принялся рыть окопы. Оставшиеся в лагере рыли щели. Щели копали вблизи балаганов между столетними елями и соснами. Работа кипела действительно по-военному. Несколько поздагов выкопали ямы для уборных. За четверо суток лагерь оборудовали по всем правилам военной науки. На поле вырыли окопы почти в рост человека с гнездыми для пулеметов и минометов. Не менее 18 часов в сутки готовились к обороне Москвы. Была и теория, но больше практика. Полковник Потанов был звячком военного дела.

Это был боевой командир. Менее опытным был комиссар Стишов. Таким образом с седьмого июля по третье октября мы были как в настоящем бою. Очень была приближена наша учеба к боевой обстановке. Все это время мы подвигались к фронту. И на каждой двух-трехдневной остановке копали окопы: на случай отступления. Оборудовав позицию мы снова подавались к передней линии обороны. Походы у нас были средние тридцать-сорок верст, лишь один был переход пятьдесят шесть километров и в этот поход многие не выдержали, сваливались по дороге:

- В любой момент, если нам придется отступать, то позиции и окопы у нас будут готовы. Вот для чего мы это готовим, врага надо больше бить умом, - говорил воодушевляя нас полковник Петанов. Он очень часто повторял суворовскую реплику:

- Тяжело в учении, легко в бою!

Полковник часто повторял эти слова Суворова и как то легче становилось на душе бойцов. Мне было пятьдесят шесть лет, а я шагал наравне с молодежью. Однажды у нас был большой переход около шестидесяти километров, человек двадцать отстало из нашего батальона. Когда пришли на ночевку командир батальона т. Чесноков скомандовал:

- Равняйся!

- Смирно! - скомандовал я за комиссара батальона. Люди едва стояли на ногах. Командир батальона указал на меня и сказал батальону:

- Вот надо не кому - по политруку Торхову равняться. Человеку 56 лет, а он впереди всех идет. Вот как надо служить.

Причина отставания была очень простая, я не пил по дороге: перетерпел и тем самым победил других. А почему другие пили? Потому что перед походом нам выдали по селедке на двоих, а селедки были крупные, жирные и, конечно, соленые. И вот по дороге многие не выдерживали и прикладывались к каждому ручейку и колодцу. Хотя все были предупреждены и неоднократно, но многие не выдержали и напались до отвала. И вот результат: люди здоровые как львы, а падали не пройдя и пятидесяти километров. Я как правило никогда ни капли не пил

и этим выиграл в самом трудном походе. Тридцатипятилетние, здоровые как дубы сваливались, а я, [✓]67 километровый переход прошел успешно. Я другу наказал бы-не пей в дороге, если не хочешь раскиснуть.

Командир батальона т.Чесноков скомандовал мне:

- Товарищ Торхов - три шага вперед! - я сделал три шага вперед.
- Вот нужно равняться по политруку 7-й роты т.Торхову. А ведь ему пятьдесят шесть лет. Почему он выдержал такой большой поход? Да потому, что он в точности выполнял приказ и не пил води за весь переход. Вот вам наглядный пример. В будущих походах за невыполнение приказа буду строго наказывать.еэ

Так закончил свое замечание командир батальона т.Чесноков. Да я испытал на себе трудный пятидесятишести километровый поход. Оказывается и еще более продолжительный поход можно выдержать, соблюдая все правила. Я как сейчас помню жирную, но очень соленую селедку, я съел эту селедку с большим аппетитом. Но как же потом мучила меня жажда. Но я терпел и вытерпел. Я съел всю свою долю сразу потому, что в походе больших привалов не будет. Мы преодолели в определенное время и без привала на обед. И вот надо было нам опять делать большой переход. Мы вступили еще засветло и до заката солнца прошли ускоренным маршем километров двенадцать и мы шли опять после селедки. При мне была алюминиевая фляга с кипяченой водой, но я опять выдержал и сравнительно легко. всю ночь мы шли и к рассвету достигли пункта назначения. Но ночью всетаки гораздо легче идти. На этот раз только двое отстали. Я перетерпел сначала и после питья вовсе не хотел. За весь этот переход мы сделали только два привала на десять минут. Мы еще сделали вскоре большой переход и в этот раз опять семь человек отстало, но эти стерли ноги, поэтому Чесноков приказал всем взводным осматривать лично обу у каждого бойца. Сделав такой большой переход нужно было бы сделать отдых, но не тут-то было. Надо немедленно отрыть окопы и замаскировать их до рассвета.